

Три правила мецената. Почему нужно помогать не человечеству, а человеку

Статья из газеты: [Еженедельник "Аргументы и Факты" № 25 22/06/2016](#)

Как скамья подсудимых может изменить судьбу и привести к главному делу жизни, как стать успешным предпринимателем и благотворителем, как правильно помогать людям, – «АиФ на Дону» выяснили у строителя и общественника из Таганрога Леонида Матусевича.

На разговор Леонид Матусевич пошёл не сразу: рассказывать о себе не любит. Однако согласился, что пример меценатской деятельности может быть полезен другим. По этой причине и состоялась беседа корреспондента «АиФ на Дону» Станислава Падалка с жителем Таганрога, строителем и общественным деятелем Леонидом Матусевичем.

Досье

Леонид Матусевич. Родился 23 июля 1955 года в г. Коростень Житомирской области УССР. В 1987-м окончил Ростовский строительный техникум. Президент и председатель совета директоров предприятия. Депутат городской думы Таганрога созыва 2000 - 2004 гг., Почётный президент Союза предпринимателей Таганрога. Отмечен многими наградами, среди которых Золотая грамота международного благотворительного фонда «Меценаты столетия», медаль «Лучшие люди России».

Не было бы счастья...

Станислав Падалка, «АиФ на Дону»: Леонид Аркадьевич, Вы успешный предприниматель, благотворитель, много делающий для Таганрога и его жителей. Вы нашли свой путь, можно сказать, построили свою жизнь. С каких же кирпичиков начиналась эта стройка?

Леонид Матусевич: Когда я закончил школу, наша семья из Коростеня Житомирской области переехала в Кишинёв. Там поступил в политехнический институт. Был комсоргом, параллельно работал инженером-диспетчером на заводе. Женился рано, когда не было и двадцати. Вскоре после свадьбы обещали дать путёвку в Канаду. Картина будущего рисовалась весьма привлекательной. Но в двадцать лет я неожиданно попал на скамью подсудимых.

- Что значит неожиданно?

- Как-то с женой мы пошли в кинотеатр и в фойе перед сеансом решили купить газводу. Кинули положенные копейки в автомат, но стакан был ещё занят, и я отошёл к другому автомату за свободным. Когда вернулся, какой-то парень уже пил оплаченную мной воду. На моё замечание парень ответил бранью, завязалась драка. Случайным ударом сломал противнику челюсть. В один миг тогда переменилось многое. Об институте, работе, не говоря уж о поездке в Канаду, можно было забыть. Меня осудили на 3 года исправительных работ в спецкомендатуре. Оказалось, это что-то среднее между зоной и армейским стройбатом. Днём мы работали на стройках, а ночевали, как положено, в общежитии под контролем вооружённой охраны. Да, с одной стороны, всё наработанное в предыдущие годы пропало. Но с другой, именно там я познакомился со строительным делом. Позже к строительству у меня появился интерес, я увидел в нём творчество. Когда освободился, в институт возвращаться не стал. Продолжил работу на стройках. В 84-м в силу личных обстоятельств я покинул Кишинёв и отправился в Таганрог, где как раз набирали рабочих на реконструкцию Комбайнового завода.

- Как вас встретила родина Чехова?

- Сказать, что я влюбился в Таганрог с первого взгляда, не могу. Более того, хоть впоследствии я и полюбил этот город, в первые два года я его просто ненавидел: он казался мне какой-то иронией, если не усмешкой судьбы. Взять хотя бы то, что напротив нашего рабочего общежития стояло сразу две спецкомендатуры - ни дать ни взять близнецы той, в которой довелось побывать мне. А половину же самого общежития занимал вытрезвитель. Такое вот «удачное» соседство. Это и были мои первые впечатления о Таганроге. Однако работа шла, и она была лучшей таблеткой от всяких бед и обид.

«Ты что - здесь самый умный?»

После Комбайнового мы строили дома для медиков. И единственное, что удручало порой, это бессмысленные ограничения любых инициатив. Мы не только «выгоняли коробки», но и обставляли квартиры. Все по одному трафарету - жиденькие, как из папиросной бумаги, обои, однотипная мебель. И так во всех квартирах, во всём районе. После заселения во дворах обычно сразу появлялись горы мусора: новоиспечённые хозяева выкидывали всё, что не пришлось им по душе. Они начинали обустраивать квартиры заново, а, между тем, за тот первый, казённый, интерьер они уже заплатили. И получается, снова платили, по второму кругу. Как-то я предложил руководству стройки оставить квартиры на стадии стройварианта и раздать остаток вложенных средств жильцам - пусть сделают, как им нравится. Жильцы это поддержали, однако руководство задало мне лишь один исконный вопрос: «Ты что - здесь самый умный?» И мы снова лепили по трафарету.

- Но, судя по всему, шанс проявить инициативу всё-таки представился?

- Видимо, когда человек говорит «могу», жизнь говорит «проверим». После того как Советский Союз зашатался, инициатива, которую до этого

порой давили, стала спасательным кругом для многих, оказавшихся за бортом своего предприятия, привычного круга дел. Был там, за бортом, и я, так как в государственных подрядных организациях почти перестали платить. 23 июля 1992-го по совету друзей я пошёл открывать фирму. Шёл и не очень-то верил, что это происходит со мной. Но попробовать стоило. Про трудовой путь рассказывать не стану. Скажу лишь, что начали с небольших строительных подрядов, а сейчас есть завод и магазины. Но главное всё же не это, а то, что успех производственной составляющей даёт мне и моим единомышленникам возможность осуществлять и задачу социальную - обустраивать не только своё производство, но и пространство вокруг себя.

- Вы говорите о благотворительности?

- Да. Ещё в институте мне встречались книжки об известных меценатах прошлого - миллионерах Рябушинских, Морозовых, Мамонтовых. Я им завидовал. Нет, скорее, восхищался тем, каким мощным средством развития жизни вокруг себя был в их руках капитал. Они строили фабрики, школы, больницы, зажигали огни известных сейчас театров. И, видимо, от осознания полезности, значимости того, что они делали для других, у них появлялась настоящая радость жизни.

- И когда предприятие стало успешным, многопрофильным, вы вернулись к этим мыслям?

- По правде сказать, когда мы начали выделять деньги на полезные с нашей точки зрения дела, капитала у нас ещё не было. С первой полочки отправили часть денег детскому дому, ветеранам. Потом это стало традицией. Просто такие проекты, как реставрация Каменной лестницы, на которую выделяли деньги, строительство новых солнечных часов или реставрация надгробий Старого кладбища, стали возможными вместе с успешным развитием предприятия.

Благотворительность - продолжение жизни

- Есть ли у вас какие-нибудь правила, которых вы придерживаетесь в благотворительности?

- Первое - помогать надо человеку, а не человечеству. Помогать напрямую, а не через фонды. Что и другим советую. Вживую сразу видно, стоит браться или нет. Например, не так давно купили одной юной таганрогской скрипачке хороший инструмент: её семье это было обременительно. Сейчас девочка выступает, лауреат многих конкурсов. Видно, что всё не зря.

А второе правило - дело надо доводить до конца, до логического завершения, чтобы начатое не зарастало мхом на половине дороги. Когда мы открывали завод, его территория была в ужасном состоянии: многие годы завод был заброшен. Построив производственные корпуса, мы разбили на территории сад, клумбы. Это внутри, но за забором тоже ведь не край Вселенной. Снаружи уложили тротуар, отремонтировали участок общей проезжей части, поставили фонари.

Третье: благотворительность - это не оторванный от жизни процесс - «живу отдельно, занимаюсь добрыми делами отдельно в специально обозначенное время». Благотворительность - это естественное продолжение жизни. Только при таком подходе дело может быть искренним, а не показным.

Пару лет назад я построил дом под Таганрогом для своих родителей. Саманный выбеленный домик наподобие хаты: мама и папа скучали по родным местам на Украине. Дом был готов, сделан добротно, но перед домом было пусто и неуютно. Чтобы это исправить, по всей улице, мимо дома, я проложил асфальт. Стало лучше, но чего-то всё равно не хватало. Поставил детскую площадку, в селе её не было. И тогда пришёл уют. Не только для меня и родителей, но и для всех сельчан. С ними у меня теперь искренняя, добрая дружба. И, знаете, кажется порой, что это не с сельчанами у меня теперь дружба, а с самой жизнью.